

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

мы в любви, а те, что красуются чистенькими переплетами, не задевают детского сердца, не разбудили ум.

Тут, у книжных полок обычной школьной библиотеки, я впервые столь наглядно увидел, что в детской литературе стал преобладать тот тип, кто является властителем дум советского юношества. И думается мне, что не случайно в числе этих властителей дум оказались почти все литературные герои, пришедшие в книги прямо из жизни, в большинстве своем по собственным именам, с точными адресами. В этом, как мне кажется, одна из новаторских черт нашей литературы.

Жизнь нашего общества так ярка, ее конфликты так выразительны, люди в наши дни растут так быстро и в широм служении народу достигают таких высот, что художник, если ему повезет, может найти среди современников такого человека или даже таких людей, в судьбе которых жизнь, как бы сама воплотила его замысел.

Так, прямо из жизни на страницы книг пришла и постепенно стала любимыми героями детей и юношества такие увлекаемые, неповторяющиеся, своеобразные характеры, как неистовый борец за свободу Чапаев, как несгибаемый молодой коммунист Павел Корчагин, как народная мстительница Зоя Кожомежанская, как славная партизанка Лиза Чайкина, как солдат Александр Матросов. И, наконец, как вся славная плеяда молодогвардейцев, из которых ныне, став героями романа, и сейчас продолжают жить среди нас.

Ширится круг любимых героев

В том, что реальные герои этих книг — простые, маленькие и великие советские люди, озабоченные идеями коммунизма, — стали друзьями и любимцами нашего юношества, заключено одно из новаторских достижений наших писателей. Но книги эти — лишь малая часть нашей большой, многообразной детской литературы.

За период между двумя нашими съездами славная семья любимых героев значительно расширилась, и перечисленные мною живые герои представляют лишь часть ее. Мне об этом легко судить, ибо тут я могу докладывать вам не только как человек, уполномоченный вами перед съездом изучить детскую литературу, но и как отец троих детей, представляющих прямо по детскому возрасту младший, средний и старший школьные возрасты.

Если нам в раннем детстве наши мамы и бабушки, — в том случае, конечно, если у них была возможность, — читали сказки Пушкина, Перро, Ершова, то мой младший сын в этом возрасте знает уже и «Доктора Айболита», и чудесного «Мальчика Помогая», и «Девочку-ревушка», и неудачника Мастера-домашнего, и фатоватую владелицу «Кожкиного дома», и, конечно, очень хорошо может при случае объяснить сверстникам «Что такое хорошо и что такое плохо».

В годы, когда мы постигали премудрости грамоты, зачитывались произведениями русской и иностранной классики, дочка моя читает гайдаровские «Шкоду», «Тимура», «Чука и Гека», хорошо знает по славной «Швабриной» и «Бондугу» Л. Кассиля, как училась ее пана, любит московского Витю Малеева, любимого мальчика из «Приключения Травки» С. Розанова, Машу Строгову М. Прилежковой, юных героев небольших, но очень смелых рассказов Л. Пантелеева, «Сторжар» А. Мусатов, «Огни на реке» И. Дубова, «Невиданную птицу» Ю. Сотника, лирикастовского «Мальчика», Артему И. Васильченко, персонажей из «Васека Трубачева» В. Осевого, из «Солнечного денечка» Л. Воронковой, «Бабункиного моря» С. Георгиевской, юного героя-партизана из испанских рассказов Ж. Грива, Сергею Борстрикова, о детстве которого так увлекательно рассказывала детям А. Голубева.

И, наконец, старший мой сын — мужчина с ломающимся голосом, в возрасте, когда мы увлекались «Дурбровским», «Фродом», «Мцыри», Данко, горьковским Солодом, а злодеем, что там греха таить, капитаном Гаттерсом, Кожаным Чулом, премудрым Шерлоком Холмсом, он, конечно, уже прочел все книги о жизни героях и читает среди своих лучших друзей Саню Григорьева из кавернических «Двух капитанов», Ваню Солнцева и Гаврилу из катевских книг, жизнерадостных, деятельных ребят из омирновского «Отражания мира», из «Стенного солдата» И. Навленко, взрослых и юных героев из хронических повестей «Верное сердце» А. Боннова, «Дороги в жизнь» Ф. Видеровой, «Сердце Бонивура» Д. Нагишкина и многих других книг.

Такое расширение круга героев изблюбленных нашим читателем книг отнюдь не означает, что старые герои, волевыми в детстве и юношестве нас и даже наших отцов, демобилизовались, вышли в отставку. Конечно же нет! Советские дети пятидесяти годов — народ необыкновенно дальний до всего хорошего, что создало человечество на земле.

Герои детских книг современных, классических, переводных, вошедших в круг постоянного детского чтения, бесконечно разнообразны по своим характерам, мечтам, стремлениям. Но если, согласно индийской поговорке, окинув взором всю нашу литературу, задумаешься, как и на чем мы воспитываем своих детей, бесспорно станет, что мы растим поколения труженников, людей, открывших мечтой о коммунизме, воспитываем патриотов, которые горячо любят свою Родину и которые при всем том уважают людей всех наций, всех языков и оттенков кожи, все богатства культуры, накопленные человечеством.

О некоторых проблемах детской прозы

Готовя материал к этому докладу, я несколько раз беседовал с детскими писателями Москвы. Потом я обратился к детским писателям, работающим на местах, с просьбой поделиться опытом, мнениями, взглядами на жанровые проблемы литературы. Товарищи живо откликнулись, и то, о чем я буду говорить, — о мастер-

стве и о проблемах различных жанров, — будет как бы плодом коллективного раздумья о путях нашей детской литературы.

На книгах, подучивших всеобщее признание, я уже останавливался. Но мы ведь собрались не для того, чтобы говорить комплименты друг другу и нашей литературе, которая в них не нуждается. Мы собрались для того, чтобы подводя итог достижений за двадцать лет, потякнуться о путях развития литературы, о ее дальнейшем совершенствовании. Поэтому хочется обратить внимание прежде на те романы, повести, рассказы, которые, казалось бы, имели все возможности получить хорошие, но по-настоящему увлекательными, по которым оказались не соответствующим современному уровню читательских требований, о том, что порой мешало да и мешает росту нашей прозы.

Я помню, какой ураганный огонь открыли критики, близкие к Министерству просвещения, по К. Симонову, который с трибуны нашего XIII пленума заявил о том, что понятие, которое включает в термины «школьная повесть», является научным, мертворожденным. Этот аргумент, оказавший совершенно правильным, на мой взгляд, утверждению, нашел себе последующее отражение в том, что в последние годы в детской литературе развилось много адекватного «школьного».

Талантливые литераторы, подчас даже опытные, начинали вдруг сбиваться на серые, скучные, а главное однообразные книги, где были и школа, и учитель, и вожатый, и педагогический процесс, где герои подучали пятерки и добросовестно боролись за эти пятерки, и тем не менее книги холодные, за душу не трогающие, мало что говорящие уму и ничего не говорящие сердцу школьника.

Неукротимо ограничивая разворот событий стенами класса, писатели, волею или неволею, изолировали или отодвигали детей от большой жизни, бушующей на фабриках, заводах, на шахтах, на колхозных полях, где труженики создают могущество, богатство и славу нашей социалистической Отчизны. Они пытались окружить ореолом доблести пятерку, забывая порой при этом, что достигая этой пятерки нужно лишь для того, чтобы стать хорошим гражданином, достойным и полезным членом колхозного, заводского, фабричного коллектива. Вспомним, ведь Аркадий Гайдар не написал ни одной так называемой «школьной повести», а герои его и сейчас — образцы для подражания всей нашей детворы.

И, наконец, о занимательности детских произведений — о фабуле, сюжете, о романтических чертах героев. Революционная романтика является одной из существенных черт социалистического реализма. С этим никто не спорит. Именно романтическая острота придает особую прелесть самым простым делам детей, описанным Гайдаром. С этим все, конечно, соглашались. Но при всем том бывает и так: стоит писателю подчеркнуть романтические черты своего героя, ввести в произведение занимательную выдумку, заострить сюжет, покруже завернуть фабулу, как вдруг поднимается этакий сморщенный старческий напек и слышится скрипящий голос: «ложная занимательность», «исвердомантика», «так в жизни не бывает, а бывает так-то...», «мы слышим о это исключительный случай?».

Так, например, автор Т. Подозова в журнале «Начальная школа» писала (цитирую по статье, оставшая синтаксис и стиль на совести автора и редакции): «Верно, что необходима романтика, но глубоко ошибочно положение, что ложная романтика лучше, чем без нее». Разговоры такого рода, только, вероятно, в более грамотной форме, слышались в свое время и А. Рыбаков по поводу своего «Юности Маши Строговой», и М. Никулин, автор интересной повести «Жизнь вперед». А ведь без поэтической романтики хлещ — это только лица, труд — всего-навсего затрата определенных физических усилий на единицу продукции, а любовь — лишь обязательная дань биологическим законам. Ухудшая, работающий для детей, всегда должен знать, что, если его книга не интересна, ребенок зевает и закрывает ее, и все мысли автора, как бы хороши они ни были, остаются достоянием лишь его самого, его жены, редактора, наборщиков и корректоров.

И — что самое присорбное — все эти, казалось бы, совершенно вздорные теоретические все же отразились на многих произведениях. Думается, что именно из-за них хороший жанр, сделанный В. Осевым в первой книге своего «Васека Трубачева», так поблек во второй и особенно в третьей книгах, где появились, наполнив рационалистичность, композиционная рыхлость, водичка отдельных глав и поверхностная прагматичность, которая, порой выходя из художественной ткани, так и лежит нереперированными кусками. Думается, из-за этого автор поэтических «Сторжар» А. Мусатов, книги, сразу полюбившейся детворе, так «приземлился» во второй своей повести «Дом на горе», что, когда, перечитав перед докладом, я сравнил оба эти произведения, мне показалось, что их написали разные люди. А. Воронкова, показавшая в «Алтайской повести» и некоторых других вещах умение проникать в психологию ребенка, в последней работе «Старшая сестра», посвященной очень важной теме, предала заботу о сюжете, о динамике действия забвению и вынесла из страницы «Иночера» вещь сырую, рыхлую, растянутую. Когда я читал куколку из романа «Над Волгой» М. Прилежковой, что выискивал печатала «Иночера» правду», мне казалось, что писательница сделала существенный шаг назад от своих ранее написанных книг.

У нас есть много интересных книг научно-художественной литературы. Я не говорю уже о книгах М. Ильина, которые любил и ценил еще Горький и Солдан. Я не говорю о синтетических себе любви и популярности книг К. Тимирязева, А. Фермана, В. Обручева и других корифеев науки, прямо вошедших в круг детского чтения. Это общезвестно.

Но, помимо этих, у нас имеется уже целая группа авторов, таких, как Ф. Булыгин, И. Верещагин, Г. Гейнрейтер, В. Захарченко, Г. Булыгинский, И. Михайлов, В. Орлов, И. Плавинский, О. Инсаревичский, Г. Стрельников, Г. Фин, И. Халиман,

Н. Щербинский, создавших яркие, умные произведения этого своеобразного и очень нужного жанра. Научно-художественная литература заняла сейчас по праву значительное место в планах детских издательств. Без этих книг невозможно глубокая интеллигентная школа.

Горький, призывавший этому жанру исключительное значение, всегда особенно подчеркивал важность, чтобы книги этого рода выходили сериями, чтобы они как бы ополчались друг друга и чтобы в сумме своей эти серии в интересной и увлекательной форме восторжествовали над всеми трудными работами, выходящими из-под пера самих писателей и семьи.

И, наконец, о том жанре прозы, который очень любят дети и который втайне любят и взрослые. Вы уже догадываетесь — я говорю о приключенческой и научно-фантастической литературе. В этой области у нас глубоких, систематических традиций не существовало. Жанр пришел из Европы, стараясь сейчас, в угоду пропаганде войны и нашествия, забыть традиции Жюль Верна, Фенимора Гюгера, мы создаем этот жанр на прочной, глубокой научнической основе. Поэтому первые успехи в этой области, достигнутые за последние два десятилетия, особенно ра-

достны, хотя — и это надо честно съезду сказать — сделан в этой области недостаточно много. Среди вышедших книг этого жанра есть и неплохие, но разве они уже удовлетворяют жажду ребят? Их можно рассматривать лишь как разведку в этот жанр, удачную разведку, обнаруживающую, что у нас есть все возможности широко его развивать.

Большая поэзия для маленьких

Поэзию дети начинают любить еще тогда, когда они не читают, а всего только слушают. Как само, упавшее в детственную свесеннаханную цеплю, она дает обильные плоды. Поэтому надо с особым тщанием следить, чтобы семена эти были не только чисты от всяких сорняков, но были бы отборными, высококачественными.

О том, какой небывалой популярностью пользуются у нас детские стихи и как жадно поглощают их читатели, можно судить хотя бы по такому примеру. Стихи С. И. Маршала имеют уже 661 издание. Стихи другого корифея этого жанра — К. И. Чуковского издавались 450 раз, А. Барто — 435 раз, С. Михалкова — 381 раз. У других детских поэтов количество изданий хотя и меньше, но все же такое, какое вряд ли может даже присниться в хорошем себе самому популярному зарубежному поэту, если, конечно, он во совместительству не стряпает «коммюнс».

Некоторые поэты, работающие в этом сложном и тонком жанре, а иногда и их критики порой выражают сомнение, можно ли в стихах для маленьких читателей нарисовать полнокровно характер, развернуть большую тему. Творческая практика мастеров этого жанра убедительно доказывает, что поэзия для маленьких может нести читателю большую тему, большой характер и что если этой порой и не удается, то дело тут не в возможности жанра, а — увы! — в недостатке мастерства или в изысканной торпидности.

Короткие стихи, сказки и прибаутки, поистинно в ризункам, которые сочиняют для маленьких наши большие поэты, в сумме своей представляют огромную работу по расширению кругозора ребят. Это особая поэзия, и несамостоятельность ее лишь вынуждена. В них веселье, шутка должны жить в сочетании с мудростью, причем все это должно быть заключено в простую, изящную художественную форму.

Но при всех своих успехах, признанных сейчас во всем мире, детская поэзия наша в ряде книг имеет серьезные недостатки, на самые типичные из которых мне и хотелось бы обратить внимание съезда. Прежде всего, детские поэты порой не ставят вопроса о скучной назидательности — болели, весьма распространены, приличиями, которая нередко порождает детские стихи. Но ребята меня не понимают. Литература для детей обязательно должна быть поучительной, но эта поучительность должна входить в плоть и кровь самого произведения, в строй его образов, должна находить свое выражение в самом словесном составе, а не впадать, как наша жанра на черноту гни, естественного неумелой или дельной хохливой.

Еще стоит здесь остановиться на поэзии, которую занимает нест по отношению к своему маленькому читателю. Книга и по своей словарной инвентаризации, и по своему строю всегда, думается мне, должна иметь некое выделение возраста читателя, для которого предназначена, должна расширять его кругозор и углублять его круг образов, ирой слов, вострой инвентаризации. А у нас же бывает так, что поэтические тексты или для приспосабливаются на коротышки и стараются подражать, в своем стихе языку малышей: съ-съ-съ.

Наконец, надо все-таки повторить об односторонности тематики, творческих приемов, даже заготовок — болели, тоже весьма заразно. Ведь как у нас иногда в литературе бывает: открыл писатель новую, интересную тему, создал яркий новый образ, вытеснил с книгой. Читатель горячо принял его новаторскую книгу, критика подняла на щит, издательства начали переиздавать. Это естественно. Но в литературе, к сожалению, находится люди, которые, вместо того чтобы искать свой образ, свою тему, уноблываются джекпотондонским волюнтаризмом, оверта голову бросают к уже открытой кем-то теме, начинают гоняться и толкаться, ее разрабатывать до полного истощения. Наблюдается это, конечно, не только в поэзии, но в стихах это особенно заметно.

И еще одним недугом страдает наша детская поэзия. Мир ее, даже и в самых признанных ее мастерах, был ограничен чертой больших, часто столичных городов, а образы чаще всего рекрутировались из среды интеллигенции.

В последнее время в эту ограниченную среду ворвалась всякая струя, принесенная писателями и поэтами братских республик, вошедшими во всевозможную детскую литературу.

Ну, а говорить о поэзии для средних и старших возрастов — это значит вторгаться в пределы С. Маршала Вургула, ибо особой, своеобразной поэзией для этих возрастов нет. Просто ребята со свойственной им прозорливостью и вкусом отбирают для себя лучшее, что есть в творчестве наших хороших «взрослых» поэтов.

О нашей сказке

Во многих письмах детские писатели просили особенно остановиться на нашей советской сказке. О. Иваненко, сама поработавшая в этом трудном и великолепном жанре, писала: «В настоящей сказке должна быть фантастика. Но какая фантастика, какой зачарованный талисман может быть сейчас оправдан? А ведь без фантастического зерна, без известной доли волшебства не будет и сказки».

В самом деле, сказка всегда воплощала в себе самые смелые мечты народа. Но действительность наша значительно опережает фантастические мечты. По быстрой на автозаводах, посмотрите автоматические линии — чем не мельница-вертепница? Я уже не говорю о ядерной энергии, которая в творческих руках советского человека может сдвигать горы, передевать русла рек, менять рельеф Земли. Как же быть? Неужели сказка изжила себя? Неужели придется протеститься с этим великодушным жанром или писать бесконечные вариации на темы старых сказок?

Максим Горький, всегда придававший сказке большое значение, сам создавший величайшие сказки-легенды о пылающем сердце Данко, о девичьей любви, которая воплещала смерть, указал советским писателям пути создания сказок. Он убедительно доказал, что сказочники из народа всегда строили свои волшебные поэтические и гуманистические повествования на реальной основе, искали сказочные сюжеты в жизни и всегда осмысливали любой фантастический сюжет с позиций своего времени.

Отличным для всех примером может служить «Малыхитовая икатулга» П. Бажова. Это настоящее литературное сокровище, впервые в мире прославившее в сказочной форме труд промышленного рабочего. За всю историю человечества творческие гении народов создали всего семь или восемь законченных сказочных циклов. Бажов обогатил их еще одним — совершенно оригинальным, не повторяющимся даже в мотивах.

Но зато, совершенно правильно, на мой взгляд, пути идут Д. Нагишкин, сама О. Иваненко. Так чуткие писатели, твердо стоящие на почве народной жизни, знающие, понимая народное творчество, полагали, как можно успешно сочетать фольклор с литературой, и продолжили один из путей создания современной сказки.

Но определился и другой путь создания новой сказки, по которому успешно идет преданный сказочник В. Бианки, в произведениях которого на глазах юных читателей оживает и как бы одухотворяется родная природа.

И, наконец, у нас проторен и третий путь — путь, по которому идет К. Чуковский, путь всеведой озорной сказки-шутки. В искристой, легкой форме сказки эти несут серьезные воспитательные идеи, но несут так, что ребенок этого будто бы и не замечает.

Но у современной сказки есть один страшный враг, который как злой волшебник, одним своим прикосновением может превратить золото и драгоценные камни в мусор и черепки. Это формализм во всех его проявлениях, погубивший уже немало хороших в своей основе творческих замыслов. Отрыв формы от содержания, механическое перенесение традиционных сказочных образов в современную нашу обстановку или, наоборот, введение современного человека в традиционную сказочную обстановку — все это неминуемо приводит к некачественно действительности и метит автору, как бы взрывая его произведение внутри. Так поучительно с «Рассеянным волшебником» Е. Шварца.

Формализм во всех его проявлениях — дурная и беспомощная стилизация — вот от чего чаще всего надо беречь советскую сказку. Беречь за этот трудный, благородный и чрезвычайно нужный для детей жанр, писатель должен помнить, что сказка всегда, во все времена являла образное выражение лучшим духовным качествам народа, воздавала славу народной мудрости и неслы в поэтических образах мечты и мысли переводных людей.

Отстающий участок детской литературы

В то время как все жанры детской советской литературы, находящийся в дни нашего съезда, так сказать, и в своем расцвете, за 20 лет выросли, оформились и предстают сейчас перед нами в цветущей творческой поре, критика дет-

ской литературы — увы! — представляет эталотного чухлого, анемичного подростка, значительно отстающего в развитии от своих сверстников, да к тому же легко подверженного всяческим заболеваниям: знает, есть такие ребята, — кто бы чем во дворе ни забавлялся, они обязательно эту болезнь подцепят.

Если подходить к делу формально, считать количественно, по листам, то о детской литературе написано и начтано немало. Есть и пространные статьи, и критические исследования, и целые книги. Но, по существу, детские писатели все жанры ирраре преследуют на съезде серьезные претензии своим коллегам из критического цеха, ибо чаще всего они выдвигают в них лишь людей, фиксирующих ту или другую книгу, и то после получения премий, а не литераторов, постоянно озабоченных судьбами детской литературы. Были у нас, конечно, интересные, глубокие критические статьи. Но все они, за редким исключением, принадлежали перу самих писателей и поэтов. Я тут говорю, конечно, не о тех славных статейках, какие иной раз детские писатели пишут друг о друге, в которых кукушка расквывает петуха, будучи уверенной, что петух тоже не останется в долгу. Нет! Я говорю о серьезных, глубоких статьях, проникающих в суть жанра, анализирующих его пути, о таких, например, как статьи И. Грибачева «О стихах для детей», В. Катаева «О драматургии для детей», С. Маршала «О большой литературе для малышей», Д. Нагишкина «О сказке». Но такие статьи можно по пальцам пересчитать.

Были интересные, с любовью написанные, изданные Домом детской книги маленькие монографии, над которыми немало поработали критики Б. Брайнина, В. Галланов, Г. Гроденский, В. Дмитриева, Н. Смирнов. Была, наконец, большая, коллективно созданная монография, посвященная Аркадию Гайдару. Но это, пожалуй, и все, что можно по-настоящему считать в актив критики детской литературы.

Преловатая теория бесконечности, нанесшая такой вред нашей литературе, в ее детском потоке дала два метастаза. Один из них, как в фокусе, отразился в приснопамятной статье критика И. Березова, вышедшего в журнале «Октябрь», где А. Барто и другие поэты, создающие детские сатирические образы, огульно и многозначительно обвинялись в «страшном приращении к изображению отрицательных типов», а другой — в пресловутой теории «школьной повести», о которой я уже говорил. До каких вершин пошлости возносились здесь иной раз, можно судить хотя бы по тому, что критик Т. Корнейчик со страниц серьезного инструкторского журнала «Начальная школа» объявил повесть Гайдара «Тимур и его команда» устаревшей потому-де, что «навсегда исчезли Фигуры и Квакинны».

Но не страшна та фальшивая монета, которая сделана грубо и которую поэтому легко изъять из обращения, а страшна та, что похожа на настоящую и потому долго ходит по рукам. В связи с этим я позволю себе остановиться на выступлении Лидии Чуковской в «Литературной газете», на ее статье «О чувстве жизненной правды». Она берет большую шпатель книг, в которой и трилогия Осевого «Васек Трубачев и его товарищи» и объемистый сборник рассказов «Дети нашей Родины», и не дав себе труда сказать хотя бы для приличия несколько слов о сути всех этих произведений, о их очень разнообразной тематике, об образах, выведенных в них, в одной единственной статье, как храбрый португалец в немецкой сказке, «одним махом всех побиваю». Больше шестидесяти писателей, не считая уже взятых чехом очеркистов «Иночерековой правды», все, как раньше говорили, «огуретным счетом» были обвинены Чуковской ни более ни менее, как в ханжестве. Обвинение тяжелое, для советского писателя глубоко оскорбительное, а в доказательство не приведено ничего, кроме двух-трех цитат, выдернутых из разных мест книг.

Критик Александр Дроздов в статье «О Петеньках и Феденьках» в той же газете, бего перечисляя несколько книг, с той же степенью доказательности сделал безапелляционный вывод: «Детские прозаики за последние годы оперируют на дальних подступах жизни».

В дни предсъездовских дискуссий много и совершенно правильно говорилось о создании образа героя нашего времени, образа, который должен учить и зажигать людей, стать властителем дум нашей молодежи. В этом — одна из важнейших задач литературы для детей и юношества. Но в пылу споров вдруг возник странный термин — «идеальный герой». Причем сразу же посыпались уже не только призывы создавать этого самого «идеального героя», но появились и рецепты, как его лучше состроить, состоящие из перечня заранее заданных качеств, которыми «идеальный герой» должен обладать.

Вряд ли Николай Островский, создавая образ Корчагина, мечтал написать «идеального героя». Думается мне, что он — коммунист, труженик, борец, — лепя живую, многообразную, искрометную фигуру человека, который весь в движении, в борьбе, в преодолении собственных недостатков, в совершенствовании характера, просто бы обиделся на критика А. Протопопова, если бы она наклеяла на его создание свою табличку «идеальный герой».

Не стоило бы останавливаться на всем этом выдуманном съезде, если бы в масштабах «идеального героя» в детскую литературу с черного хода снова бы не стучались бесконфликтные «отрагательные предельные» пай-мальчики и пай-девочки, ремесленнички сшитые по готовым выкройкам.

И, наконец, о тоне критики. В дни Отечественной войны К. Чуковской написала глубоко ошибочную сказку «Одудем Бадалаку бегомотом, детским на бомбардировщиках агрессивной страны Смирелия». Но вместо того, чтобы терпеливо разъяснить пошлостямому поэту, имеющему большие заслуги в литературе, пошлость этой вещи, критики наши так огрели его по теющей творческой поре, критика дет-

ской литературы — увы! — представляет эталотного чухлого, анемичного подростка, значительно отстающего в развитии от своих сверстников, да к тому же легко подверженного всяческим заболеваниям: знает, есть такие ребята, — кто бы чем во дворе ни забавлялся, они обязательно эту болезнь подцепят.

Если подходить к делу формально, считать количественно, по листам, то о детской литературе написано и начтано немало. Есть и пространные статьи, и критические исследования, и целые книги. Но, по существу, детские писатели все жанры ирраре преследуют на съезде серьезные претензии своим коллегам из критического цеха, ибо чаще всего они выдвигают в них лишь людей, фиксирующих ту или другую книгу, и то после получения премий, а не литераторов, постоянно озабоченных судьбами детской литературы. Были у нас, конечно, интересные, глубокие критические статьи. Но все они, за редким исключением, принадлежали перу самих писателей и поэтов. Я тут говорю, конечно, не о тех славных статейках, какие иной раз детские писатели пишут друг о друге, в которых кукушка расквывает петуха, будучи уверенной, что петух тоже не останется в долгу. Нет! Я говорю о серьезных, глубоких статьях, проникающих в суть жанра, анализирующих его пути, о таких, например, как статьи И. Грибачева «О стихах для детей», В. Катаева «О драматургии для детей», С. Маршала «О большой литературе для малышей», Д. Нагишкина «О сказке». Но такие статьи можно по пальцам пересчитать.

О генеральной теме детской литературы

В заключение мне хочется сказать о самой большой и самой важной теме, которая должна была бы занять центральное место во всех жанрах литературы для детей, — о теме великого трудового творчества, которым охвачена вся наша страна, о героизме и романтике труда наших рабочих и колхозников, о той небывалой по своему масштабу созидательной работе, какую они, вдохновляемые Коммунистической партией, ведут по всей нашей стране и какая — увы! — в творчестве лучших наших детских писателей в должной мере до сих пор осталась неотраженной.

Меня могут спросить: позвольте, а «Первое имя» И. Ликтанова, «Бригада смнленных» В. Курочкина, «Дом на горе» А. Мусатовая, а «Бесположный человек» Л. Воронковой, а «Атомели-часовой» М. Студкича, а производственная линия в новой книге М. Прилежковой «Над Волгой»? Мне могут назвать ряд удачных стихов о труде. Есть такие произведения. Среди них есть интересные. Но мне хочется строгий большой отряд литераторов, пишущих для детей и юношества, создан ли ими полнокровный, могучий образ труженика, достойный стать среди первых героев нашей литературы? А ведь именно образы таких звонких вперед героев трудового фронта и ждет от литературы страна.

Мне хочется разобрать пример П. Ликтанова, писателя, который живет в крупном индустриальном центре Свердловске, знает жизнь и которого все ребята полюбили за живой и яркий образ Кости Мальцева. А вот книга «Первое имя», которая по замыслу своему и должна бы была прославлять труд, вышла куда слабей. В ней сыпанут технологический процесс, описанный с большой тщательностью, и даже видимость производственного конфликта. Но ни одного характера из этой книги, хотя я прочел ее недавно, я не запомнил.

Вся беда здесь в том, что не только, конечно, И. Ликтанов в «Первом имени», а многие писатели, берущиеся за эту тему, поменяют изображение труда, как творчества, раскрывающего лучшие черты человеческого характера, чисто внешним описанием технологических процессов, причем делают это порой с такой скрупулезной тщательностью, что машина отгнетает человека на второй план.

Детским писателям всех жанров стоит сейчас задуматься над этой генеральной темой нашей литературы, ибо это дело уже не только литературное, но и государственное. Этим летом в столичных и провинциальных вузах на одно место было по десяти, а в иных и по двадцати пять кандидатов. Многие из тех, кто по конкурсу не прошел, вместо того, чтобы оставаться в колхозе, где очень нужны образованные люди, или идти на железную дорогу, на завод, в шахты, где тоже нужны и светлые головы и умелые руки, остаются при родителях, рассчитывая поступить в будущем году, который — надо полагать — не будет в этом смысле более благоприятным.

За это в ответе вся система нашего образования и воспитания, школа, пионерская организация, комсомол и, конечно, мы, писатели, потому что, окружая ореолом интеллигентские профессии, мы не сумели в горничих, правдивых образах раскрыть благородную суть увлекательного и многообразного творчества людей труда, вдохновляющую мощь социалистического соревнования и важное, прямо-таки генеральное явление нашего времени — стирание существенного различия между умственным и физическим трудом.

И наше советское юношество ждет от нас книг, запечатлевающих славные образы Чапаевых советской промышленности, Борчагиных колхозных полей.

Детская литература наша, развивающая давние славные традиции, заслуживает в себе самого внимательного отношения. Ведь это же счастье для любого истинного художника-патриота писать для детей, для которых мы строим коммунизм. Это же большая награда создавать, что дети, юношество любят твоё творчество, берут твоё герою себе в товарищи.

Великое счастье и большая ответственность! «Ничего, ничего для детей, но только так, чтобы вашу книгу с удовольствием прочел и взрослый и, прочтя, перенесся бы легко мечтой в светлые годы своего младенчества... Главное дело — как можно меньше сектендизма, прапоучений и резонерства... Дети... хотят видеть в вас друзей... требуют от вас наслаждения, а не скуки, рассказов, а не поучений...»

С этим призывом к нам, писателям советской земли, обратился Бальмонт, а я лишь позволю себе огласить этот его великий нежалевающий наказ. (Продолжительные аплодисменты).

С О В Е Т С К А Я П О Э З И Я

Содоклад Самеда ВУРГУНА

Товарищи! За последние двадцать лет между Первым и Вторым съездами советских писателей наша великая, самая передовая в мире советская поэзия прошла большой и славный путь идейно-художественного обогащения и развития, борьбы и творческих побед.

О патристических и интернациональных традициях в советской поэзии

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Она открыла новую эру и в развитии художественной мысли нашего времени.

Самый прогрессивный и революционный класс — пролетариат — выступил на историческую арену, вооруженный марксистско-ленинской философией, новыми коммунистическими идеалами; он выступил также с новыми эстетическими взглядами, научно разработанными Марксом и Энгельсом на основе опыта мирового искусства и развитыми Лениным и Сталиным.

Октябрьская революция спасла художественную мысль человечества от духовной нищеты и оскудения, от декадентства и символизма, от неверия в победу светлого и прекрасного.

Весь опыт развития мировой поэзии после Великой Октябрьской революции в новых исторических условиях подтвердил полную несостоятельность теории «искусства для искусства». Художественная мысль человечества может развиваться только на основе лучших идей. Все передовые философские и политические идеалы не могут существовать никакая быстрая литература, и даже самые яркие таланты потухают и гибнут в хаосе бездельности.

Октябрьская революция способствовала поэтическому рождению и расцвету такого великого таланта, как Владимир Маяковский, гениальный создатель новой поэтической мысли, она помогла вырваться из болота символизма и декадентства А. Блоку, В. Брюсову, С. Есенину.

Большую творческую эволюцию претерпели после Октября такие крупные поэты, как Алексей Исаев в Армении, Галактион Табидзе в Грузии. Под влиянием Октября широкому развернулось творчество белорусских народных поэтов Янки Купалы и Якуба Коласа; сформировались талантливые украинские поэты И. Тичина и М. Рыльский, армянский поэт Египсе Чаренц и грузинский поэт Георгий Леонидзе. Революция вывела их творчество на широкую дорогу высоких идей и высоких идей, открывая их пафосом служения народу.

За 20 лет, прошедших после Первого съезда, наши ряды значительно пополнились новыми творческими силами. Завучал голос гордого степного беркута казахского народа, поэта Джамбула; окрепло и расцвело творчество народного поэта Дагестана Гамзата Цадаса, народного поэта Абхазии Д. Гулиа, народного поэта Бурятия Монголы Хоца Намсараева; значительные победы одержала поэзия народов, не знавших письменности до Октября, — киргизская, бакирская, марийская, чувашская, адыгейская и др. В общий хор советской поэзии волились сильные и звонкие голоса поэтов воссоединенной Западной Украины и Западной Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литвы и Молдавии.

С полным правом мы можем говорить о плодотворном влиянии идей Октябрьской революции на творчество крупных поэтов, завоевавших видное место в прогрессивной поэзии зарубежных стран, — таких, как Тьян Цзянь, Го-Мо-жо, и других выдающихся поэтов великого китайского народа, таких, как корейский поэт Ли Чи Чен, как поэты Луи Арагон, Поль Элюар, Набоу Неруда, В. Броневский, В. Невазл, Станислав Нейман, Никола Ванцоров, Иоганнес Бехер, Эрик Вайнерт, Николай Тильден, Нурдаль Триг, иранский поэт А. Лахути, чья поэзия в течение трех десятилетий была тесно связана с таджикской советской литературой.

В свое время В. И. Ленин писал о создателе «Интернационала» поэте-работнике Евгении Потье, что Потье составил по себе поистине нерушимый памятник. Он был один из самых великих пропагандистов посредством песни.

Мы гордимся тем, что советская поэзия в целом стала пропагандистом идей коммунизма, певцом этих идей.

Когда В. Маяковский сказал: Я всю свою звонкую силу поэта атакующий класс,

— это был и голос великого поэта, и голос эпохи, голос всей нашей новой поэзии.

Ленинская эстетика, утверждавшая партийные принципы нашей литературы, утверждала также невиданный в истории человечества демократизм художественной мысли, открывала широкие просторы для творческой самостоятельности, активности художественного творчества, для безграничного разнообразия стилей и течений, индивидуальности и склонности.

«Свою нет» — писал Ленин, — литературное дело всего менее поддается механическому сравнению, инвентаризации, господ-

который должен развернуться на нашем съезде.

Чтобы иметь ясное, пусть в основных чертах, представление о нашей многонациональной советской поэзии за истекший период, необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на ее истоки. Это следует сделать еще и потому, что лучшие достижения, накопленные в нашей поэзии за последние двадцать лет, являются продолжением и развитием лучших традиций, сложившихся в нашей поэзии еще до Первого всесоюзного съезда.

Советская поэзия создала новый тип произведений, в которых главное место занимает не подробная, последовательно изложенная биография, биография великого человека, а прежде всего образное выражение и раскрытие общественного смысла его деятельности. Образом такого произведения является поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», где жизнь поэта дана в неразрывном единстве с историческими событиями эпохи, на фоне которых с большой силой показан исторический размах деятельности Ильича, дан его величественный, человечный образ.

Образ Ленина воспет в поэме Степана Шипачева «Домик в Шушенском». Эта поэма отличается притягательной силой кругозора; в ней связано историческое прошлое с современной действительностью, идея великого Ленина — с судьбой миллионов рядовых труженников.

Значительными произведениями о Ленине являются поэмы «Ленин» азербайджанского поэта Расула Раа, «Ленин и Али» армянского поэта Гегине Чаренца.

Чувства и думы литовского народа нашли отражение в «Поэме о Сталине» литовской поэтессы Саломеи Нерис. Детству и юности великого Сталина посвятил романтическую эпопею Георгий Леонидзе.

Большую любовь нашего народа пользуются стихи, поэмы и песни о героях гражданской войны — о 26 бакинских комиссарах, о Чапаеве, Шорре, Жедзавке, Ворошилове, Буленом.

Луганскому рабочему Петру Дунову, погибшему в бою под Харьковом в 1919 году, посвятил М. Бажан поэму «Отцы и сыновья», торжественную, исполненную высокого пафоса во славу рядовых героев гражданской войны. Героям революционной борьбы в буржуазной Литве посвящено одно из лучших произведений Саломеи Нерис — поэма «Четверо».

Образы бесстрашных воинов революции, воспеваемых нашими поэтами, имеют огромное воспитательное значение. В них олицетворены лучшие человеческие качества, выработанные народом в его борьбе за светлое будущее, преданность делу партии, стойкость и самоотверженность.

Остается, однако, показать, что в поэмах на революционно-исторические темы еще не занял должного места образ передового рабочего-революционера. А история нашего революционного движения богата такими образами. Возьмем, например, героическую, славную жизнь русского большевика Ивана Васильевича Бабушкина, о котором Ленин писал, что если бы у нас не было таких Бабушкиных, Россия осталась бы страной рабов и холопов.

Обобщенный образ советского воина-патриота создал Ал. Твардовский в поэме «Василий Теркин».

В этом образе обобщены лучшие национальные черты характера русского человека, труженика, патриота, воина. Эта поэма явилась первым и крупным шагом в эпическом показе героизма наших людей во время Отечественной войны. Мы полюбили Теркина за его любовь к родной земле, к человеку, за его смелость, отвагу, за то, что он умеет преодолевать трудности, не падать духом даже в самые трагические моменты жизни и борьбы.

Поэму «Василий Теркин» можно назвать большой песней о мужестве и жизни людей. Ее пафос — в мужественном, неунывающем оптимизме, в любви к жизни, которая дороже славы и сильнее смерти: «Бой идет... не ради славы, ради жизни на земле». Написанная ясным и выразительным языком, в духе лучших традиций русской классической поэзии, она навсегда останется в нашей литературе. Однако при наличии больших и неоспоримых достоинств недостатком поэмы, на мой взгляд, является то, что в ней не показано организующее и направляющее нашу жизнь партийное начало, и образ Василия Теркина при всех своих положительных качествах не всегда отличается идейной глубиной, неположительно передает думы и стремления своего времени.

Маргарита Алигер в лирико-романтической поэме «Зоя» создала светлый и мужественный образ славной дочери великого русского народа — Зои Космодемьянской. Образ доблестного летчика-азербайджанца Гусейнбая и его друзей с русским летчиком Алексеем показан в своей поэме «Над Ленинградом» Самед Вургун. Героический образ советского рабочего Макара Мазая дан в своей поэме Семен Кирсанов. Той же теме посвятил свою поэму бакирский поэт Махмуд Сулейманов. Облик героя-лионера нарисовал Степан Шипачев со свойственным ему лиризмом в поэме «Павел Морозов». Новые положительные герои появились в нашей поэзии в последние годы в таких поэмах, как «Флаг над сельсоветом» Алексея Недогонова, «Алена Фомина» Александра Яшина, «Рабочий день» Михаила Грибачева, «Восна в Подеде» Николая Грибачева. В последней поэме автор, на мой взгляд, удачно сочетал в образе Зернова реалистические черты с революционно-романтическими.

Создание положительного образа героя современности — трудная задача. Режая ее, некоторые из наших авторов выдают в схематичность и поверхностность, им не удается раскрыть образы современников со всей глубиной и всесторонностью. Мы знаем и любим Нарир Заряна, хорошо знакомого как автора ряда значительных поэтических произведений, в том числе таких, как «Армения», «Горы дина». Однако в поэме «Арменуи» его поэтика неудачна. Поэт задает благородный целью показать образ героя-фронтовика

Важна в условиях мирного строительства. Но поэма, отмеченная рядом частных достоинств, все же в целом перегружена описаниями и в значительной части оказывается скорее рифмованным очерком, нежели поэтическим произведением.

Когда участники обонан кругом, Вперед шагнула агроном Марго: — Вы провалили волю и умение. Внимательный анализ подтверждает, что все на месте — вешалка, удобрения... Но Евангелия сегодня впереди.

Учтя профилактические меры, Он так омыл поле от камня. Хотя бы сегодня выходи — и сей; Герой войны — ему и быть примером...

Еще хуже обстоит дело в поэме Самеда Рагима «На ашеровской земле». Поэт, видимо, не прочитывал ни тему, ни людей, изменил своему поэтическому голосу. Поэма еще мало удаются образы простых людей — наших современников, которые могли бы служить примером и предметом для подражания.

Мне думается, что одной из причин

слабости таких образов является отсутствие накопленного опыта в поэтической разработке современных тем и характеров, в то время как в области исторической темы и исторических традиций. Вот почему мы должны со всем вниманием и бережностью относиться к тем произведениям, которые оказываются шагом вперед в разработке современной темы, не отказываясь, однако, от самой серьезной, но благожелательной критики недостатков таких произведений.

Другой причиной является то, что нельзя создать образ положительного героя еще его борьбы со злом, с отрицательными, противопоставляемыми силами. Однако некоторые писатели и критики предпочитают обойти жизненные и острые столкновения с «силами зла» и ограничиться мелкими противоречиями в самом характере положительного героя — мол, положительное начало в человеке всегда борется с его отрицательными чертами.

Воспевая положительного героя нашего времени, борца за коммунизм, не следует пропускать боязнь и трусость в поведении противопоставляющих ему сил. Ведь для того, чтобы создать полноценный образ революционера-борца, надо противопоставить ему образ сильного врага. Показывая врага слабым, мы не сможем показать и нашей силы. Мы должны, как этого требует правда жизни, показывать положительного героя в трудной и длительной борьбе со всеми ее потерями и успехами. Тогда и победа, одержанная положительным героем, станет более убедительной.

Вспомните шекспировский образ двурядника и предателя Яго. А есть ли в наших больших эпических и драматических поэмах такой же обобщенный сильный образ наших политических, моральных противников?

Значит ли все это, что наш положительный герой должен быть лишней какой бы то ни было внутренних противоречий? Нет, у положительного героя есть и свои внутренние противоречия, есть сильные и слабые стороны, что придает каждому живому человеку, но сторонники теории показа «живого человека», по-моему, всецело хотят заслонить и отодвинуть на задний план главное — положительное начало в характере героя, растворить его в чужеземных слабостях. Скажу больше, эта концепция показала «живого человека» скатывается к бесцельному объективизму, в отрицанию активного начала у советского человека, который должен подчеркивать именно положительное в нашей действительности, что и самым способствовать его дальнейшему развитию и торжеству. Это, повторю, не означает, что я против показ в положительного героя его слабостей, но чему должен служить такой показ в произведениях искусства? Возьмем образ Фархада из поэмы Ислами «Сосров и Ширин». Фархад — образ богатейшей духовной силы. Во имя чистой человеческой любви он свингует горы, ломает скалы, проявляет сверхчеловеческую силу. Но он доверчив к людям, верит злоумышленникам, что будто бы умерла его любимая и что нарисаны все его героические черты с революционно-романтическими.

Конечно, иной критик может сказать, что в доверчивости Фархада — его слабость, может быть, даже порок. Но в этой его слабости — положительная черта его характера. Фархад, будучи человеком честным, даже не может представить себе, что люди способны пойти на бессовестную ложь. Доверчивость Фархада проистекает из чистоты и цельности его характера.

Этим примером и хочу сказать, что сильные и слабые стороны характера положительного героя должны звучать имен-

но как разностороннее проявление его положительной природы. В противном случае мы можем потерять в положительном образе целостность его природы, которая состоит не из хаоса светлых и темных сторон, а из единого определенного характера в разных формах его проявления.

Положительный герой может быть показан в становлении, в развитии характера, в преодолении пережитков старого,

в приобретении новых качеств. По все это должно быть подчинено главной задаче художественного обобщения, созданию цельных и сложившихся характеров и образов.

Исклчательная возможность для создания обобщенных характеров и образов, явлений и событий общественной жизни открывается для художника в эпической поэзии.

Эпическая поэзия

В то время как мировая и русская классическая поэзия создали великолепные по глубине реалистического проникновения в жизнь и по образительной силе эпические произведения, декадентская поэзия не знала поэмы, не могла создать произведений, широко и полно охватывающих жизнь в ее развитии.

Эпоха великих революционных перемен должна стать эпохой создания больших поэтических полотен, глубоко раскрывающих смысл исторических событий народной жизни.

Уже в предреволюционной своей поэме «Война и мир» Маяковский обратился к воплощению тех событий, которые потрясли все человечество, стремился их охватить во всем их историческом значении. В поэмах «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» он создал широкую картину великих исторических перемен, открывших новую эру в истории человечества. Большое и сложное содержание Маяковский раскрывает и в эпических образах, и в лирической речи, отображающей субъективное восприятие изображаемых им событий. Эти два плана, две линии — эпическая и лирическая — в поэме Маяковского органически слиты друг с другом. Эту связь подчеркнул сам поэт:

Это было с бойцами или страной, или в сердце было в моем.

В поэмах «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!», казалось бы, нет сюжета. Но это не так. Развитие действия в поэме слито с движением самой истории, с могучей поступью революции. Его поэмы — как бы большая эпический монолог о времени, об истории, о настоящем и будущем; эпос соидиен здесь с покоряющей силой лирического звучания и с драматической формой изображения действия.

Вместе с тем в поэмах Маяковского, изображающих великое время, мы не найдем широкой галереи людских характеров, типов — современников этих событий. И это подчеркивает нашу задачу: цена великое и живое наследие Маяковского, в то же время не ограничиваться одним его путем, не канонизировать их, а искать и других путей в эпическом повествовании о великой революционной эпохе.

Задача наших советских поэтов — создание образа советского человека — борца за новый мир, человека-строителя. На этом пути нашей эпической поэзией уже создано немало достойного внимания.

П. Асеев в «Семене Проксакове» нарисовал образ героя гражданской войны, в котором историческая достоверность, почти документальность сочетается с большой лиричностью. Эдуард Багрицкий в «Думе про Опанаса» в остром столкновении человеческих судеб и характеров с романтической страстностью утверждал идею преданности социалистической революции. Николай Демешев написал рассказ в стихах «Мать», где четко обрисованы и тонко психологически разработаны характеры и отношения героев. В годы Великой Отечественной войны были созданы новые эпические произведения. И. Тихонов в поэме «Киров с нами» и В. Инбер в поэме «Пулковский меридиан» воспеи патриотическое воодушевление и героическую стойкость блокированного Ленинграда. Той же теме посвятила «Февральский дневник» О. Бертольд. В поэме «Сын» П. Антокольского с большой силой дан образ нашего молодого поколения, отважно сражавше-

О лирике

Богатство и разнообразие лирической поэзии зависит от многогранности и богатства души поэта. Пушкин писал: «Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменчивых его живой и творческой души; и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отходническом чувстве — и в ювенальском негодовании, и в маленькой дожде на скучного соседа...»

Для советского поэта все живые вопросы современности являются личными, и желание тем и мотивов на «личные» и «общественные» зачастую оказывается искусственным. Вспомним, с какой непосредственностью и как бы личной заинтересованностью выражены тема борьбы против колонизаторов и империалистов, тема дружбы народов в лирике И. Тихонова; с какой остротой и возлюбленностью развивается тема героической защиты завоеваний социалистической революции, тема непоколебимой стойкости и мужества рядовых бойцов в лучших лирических стихах А. Суркова; каким глубоким раздумьем и некримным пафосом проникнута патриотическая лирика М. Рыльского; как свежо и разнообразно звучит о возрождении национальности, ранне угнетенных, и расцвете их социалистической культуры Сайфи Кудан, Азлы Токмобаев, Карло Каладзе, Расул Гамзатов, Осман Сарыевали, Мустай Карим, Уйгун, Гервор Эмин и другие; с каким подъемом и подлинным лиризмом воспевают судьбу освобожденной женщины и такие высокие человеческие качества, как любовь, дружба, верность, материнство, наши поэтессы: О. Бертольд, В. Тушинова, Зульфия, Д. Вааранди, С. Калугиякан, М. Дильбази.

По-новому истокковывая темы, издавна волновавшие поэтов, наши советские поэты ищут о счастье народов и о счастье влюбленных, о любви к Отчужденности и о материнской любви, о творчестве миллионов и о творческих исканиях самого художника.

Пришлось по сердцу советским людям задумевшая поэзия Михаила Исаковского,

и как тесно связана любовь героев в стихах и песнях М. Исаковского с высоким чувством советского гражданина, труженика, патриота.

Многообразна, широко охватывает чувства советских людей лирика К. Симонова. Достоинством К. Симонова как поэта является то, что он находится в постоянном движении вперед, в творческих поисках.

Многим читателям запомнились и стихи Степана Шипачева, утверждающие прочное, противостоящее житейским невзгодам и испытаниям счастье любви. Однако следует показать тем Шипачеву большого разнообразия тем и дальнейшего обогащения поэтических форм.

Заслуживает большого внимания лирика Гафура Гуляма, автора стихотворения «Ты не скрота», в котором прекрасно выражена идея дружбы народов.

У нас пока недостаточно оценивается интересная и своеобразная поэзия Сергея Смирнова, автора многих душевных, глубоких лирических и по-настоящему современных стихов, исполненных жизнелюбия, веселья, поэтической непринужденности.

В разговоре о лирике нельзя не упомянуть многих и многих удачных лирических стихов И. Уткина, М. Светлова, В. Саянова, П. Шубина, А. Недогонова, Касима Аманжолова, Алмеда Джамяля и других.

В заключительной речи на Первом всесоюзном съезде писателей Горький сказал: «Мир очень хорошо и благодарно услышал бы голоса поэтов, если бы они вместе с музыкантами попробовали создать песни, — новые, которых не имеет мир, по которым он должен иметь».

Между Первым и Вторым съездами много сделано для выполнения этого завета. Конечно, и раньше создавались песни, получившие всенародное признание:

(Окончание на 4-й стр.)

С О В Е Т С К А Я П О Э З И Я

ОБОБЩАТЬ ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ

Писатели всех народов СССР представили на Втором съезде советских писателей перелом эпохи прогрессивной литературы мира — многие представители которой присутствуют здесь — как многонациональный, единый в своей устремленности отряд в боевом походе к коммунизму.

Развернувшая перед нами обширная и ясная программа работ приветствие Центрального Комитета КПСС открывает всех нас для еще более мощного поэта. Создатель великого народа, борющегося за приближение коммунизма, создавая книги, способствующие росту и воспитанию нового советского человека, строителя и борца за мир во всем мире, — есть ли счастье выше этого, задача почетнее, труд благороднее!

До глубины сердца испытывая чувство радостного подъема, мы не должны забывать, что съезд писателей собрался для деловой, конкретной работы, для того, чтобы, осмыслив пройденный путь, мы смогли еще успешнее работать. В интересах поступательного движения нашей литературы трибуна съезда должна стать своего рода лабораторией обмена творческим опытом многонациональных художников нашей страны.

В значительной мере это будет зависеть от нас самих, от того, с какой степенью глубины и конкретности сумеем мы поставить самые основные и насущные творческие вопросы.

Мы привыкли уже судить о движении писателя в литературе по приметам роста его героя. И это, в основном, верно. Однако этапы этого роста мы считаем обычно лишь отдельные высказывания этих героев, ту степень их идейной сознательности, которая возрастает, например, Ирышка Извекова над Андреем Старцовым.

Обычно мы считаем мерилом художественного успеха писателя его близость к жизни. И это также в значительной степени верно.

Можно, однако, находиться в гуще действительности, но не уметь отразить в художественных образах ее главное содержание. Можно от книги в книге совершенствовать мышление героев, но не сделать их убедительными, живыми.

Вопрос о том, как наиболее успешно претворить материал действительности в образы искусства, — основной творческий вопрос.

Сопоставляя на собственный пример. Я прихожу из крестьянской семьи. С детства я связан с людьми грузинской деревни. Это мои родные, друзья, самые близкие, понятные во всех своих делах и помыслах люди.

Но как трудно перенести на страницы книги тот живой противоречивый процесс, который происходит в душе каждого из этих людей! Какой упорной и тщательной работы художника требует воспроизведение того, что мы справедливо называем подлинной правдой действительности!

Редко, конечно, редко пишет наша критика о том, как строит писатель свой образ, как связан внешний портрет с внутренней характеристикой, что представляет народности обоснованы в книге тем, что тот или иной герой слышит поговорками, шутками, прибаутками.

Вопрос художественного мастерства должен занять на нашем съезде большое, решающее место. Ведь это вопрос о том, как лучше служить нашему многонациональному Отечеству!

А. ЧЕШВИЛИ

Приезд иностранных гостей

В Москву на Второй съезд писателей продолжают съезжаться зарубежные гости. Вчера прибыли Жан Лафитт (Франция), Кайяла Мавахоб (Сирия) и Видалес Луис (Колумбия).

Памяти Д. Н. Медведева

14 декабря скоропостижно скончался Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев, член КПСС с 1920 года, один из руководителей партизанского движения в годы Великой Отечественной войны.

Д. Н. Медведев родился в 1898 году в семье рабочего-сталелитейщика. С юных лет связывал он свою жизнь с делом защиты нашей Советской Родины: вступил в ряды Красной Гвардии, участвовал в гражданской войне на Украине и последующие годы отдал работе в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД. С начала Великой Отечественной войны Дмитрий Николаевич возглавлял партизанский отряд в Брянских лесах, а затем — отряд, действующий в глубоком тылу врага на Украине. Героические дела советских патриотов-партизан послужили материалом для книг, написанных Д. Н. Медведевым после войны, когда он всецело посвятив себя литературной работе. Эти книги, многократно изданные у нас в стране и за рубежом, получили широкую популярность и по праву заняли свое место среди любимых книг нашей молодежи, служа благодарному делу воспитания советских людей в духе патриотизма.

Советское правительство высоко оценило заслуги Д. Н. Медведева, присвоив ему звание Героя Советского Союза и наградив четырьмя орденами Ленина, орденом Красного Знамени и медалями.

Все, кто лично знал этого чуткого, отзывчивого человека, стойкого и принципиального коммуниста, все, кто читал его книги, слышал его выступления, сохраняют о нем светлую память.

А. Корнейчук, А. Сурков, М. Бажин, С. Ковпак, А. Ф. Федоров, П. Вершин, О. Гончар, И. Никулин, В. Белая, А. Штейн, П. Козляков, А. Довженко, А. Прокофьев, А. Барнов, С. Михалков, Э. Казакевич, Г. Линьков, Ю. Чепурин, М. Нагинбаба, А. Первенцев, Л. Ошанин, И. Шток, П. Бляхин, П. Дорошко, И. Рядченко, В. Собоко, С. Олейник, Б. Емельянов, П. Воронцов, Я. Баш, Г. Брянцев, Ю. Корольков, Ю. Збанацкий, В. Кетлинская, Л. Раковский, В. Минко, С. Майоров, А. Гребнев, Л. Новиченко, М. Кух, А. Луккин, А. Цесарский, В. Довгер, В. Фролов, Н. Струтинский, С. Стехов, Н. Прокопук, Л. Шерстнева и др.

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

«Марш Буденного» Н. Асеева, «Молодая гвардия» А. Безмятежского, «Взвейтесь кострами, синие ночи» А. Жарова. Но только в середине тридцатых годов начался подлинный расцвет советской поэзии. Надо вспомнить в этой связи В. Лебедева-Кумача, написавшего тексты для ряда превосходных, высоко патристических и глубоко эмоциональных песен: «Песня о Родине», «Священная война» и другие. Пользуются большой популярностью в народе «Катюша» и многие другие песни М. Исаковского, «Полюшко-поле» В. Гусева, «Песня смелых» А. Суркова, «Песня о Каховке» М. Светлова, «Шумел сурово Брянский лес» А. Софронова, «Песня о Днепре» Е. Долматовского, «Гимн демократической молодежи мира» Л. Ошанина и т. д.

И все-таки народ справедливо предъявляет большой счет нашим поэтам-песенникам. В послевоенные годы еще не создано песен, в которых героика наших трудовых будней сочеталась бы с теплотой человеческих чувств, песен, которые полюбил бы народу, как, скажем, «Катюша» и «Полюшко». Более того, за последнее время начинает складываться некоторый шаблон лирической песни, где и в словах и в музыке звучат однообразные ноты, где горячее чувство подменяется легковесной сентиментальностью.

Народ ждет от советских поэтов новых, хороших песен.

В недавнем прошлом начал несколько сужаться диапазон советской лирики. Поэты стали меньше писать о любви, о природе, и вот что показательно — это искусственное ограничение, отказ от ряда тем, наложив свой отпечаток и на раскрытие темы труда — одной из важнейших в нашей литературе. Некоторые поэты пошли по пути примитивного описательства, стали вводить в стихи производственные термины, насыщать речь техницизмами, ухода постепенно от самого главного — от живого образа человека — строителя нового мира. Такое упрощение лирики проникло даже в стихи, написанные нашими поэтами о величайших новостройках, о Волго-Доне, о Каховке, о Мингечауре, о Рустави и т. д.

Риторичность, холодная рассудочность, умозрительность чувствуются иногда в нашей лирике. А ведь поэт должен поэтизировать свои думы и философские размышления, должен выражать их языком художественных образов. Только тогда мысль поэта приобретет силу художественного воздействия.

Многообразие нашей действительности подсказывает и многообразие лирических форм, требует от лирического поэта разнообразности образов, живости и обилия красок. Пропагандируя самые передовые идеи нашего времени, советская лирика борется против хищнического эгоизма, против пессимизма, рефлексии, ущербности, упадничества, ослабляющих и разлагающих человека, его волю и личность, утверждает новый строй чувств.

О революционной романтике

Товарищ Жданов на Первом съезде советских писателей сказал: «Для нашей литературы, которая обрела ноги на твердой материалистической основе, не может быть чужды романтика, но романтика нового типа, романтика революционная. Мы говорим, что социалистический реализм является основным методом советской художественной литературы и литературной критики, а это предполагает, что революционный романтизм должен входить в литературное творчество как составная часть, ибо вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключаются в сочетании самой суровой, самой тяжелой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами».

Из этого следует, что поэт социалистического реализма, показывая правду нашей действительности, не может обойти ее величественную героичку и грандиозные перспективы, без которых немислится полнота и широта нашей жизни, нашей устремленности вперед.

Революционная романтика сложилась в природе всего нашей поэзии. Но это не исключает того, что может и должна существовать в нашей поэзии особая форма романтической поэзии.

Потому, мне думается, настало время начать серьезный разговор о романтическом стиле в нашей поэзии.

Между тем у нас есть товарищи, которые проявляют какую-то боязнь даже перед самым словом «романтика». Им кажется, что разговор о романтике может увести нас в какой-то заоблачный мир, сблизит с реалистической поэзией в литературе.

Вся история мировой поэзии полностью подтверждает несостоятельность такого утверждения. Демонстрируя в своих романтических поэмах «Мцыри», «Навказский пленник», «Измал-Бей» создал яркие реалистические характеры, раскрыл большие человеческие страсти, правильно показал исторические события и явления, был и национальные традиции разных народов.

Возьмем гениальные поэмы Низами «Лейли и Меджун», «Хосров и Ширин» или «Витязь в тигровой шкуре» Руставели. Благодаря романтической форме этих поэм и тому, что благородные и гуманистические начала в человеке в них романтически приподняты, образы их героев отмечены особой силой и красотой человеческой души.

Если творения наших далеких предшественников выдержали испытания веков, то это следует объяснить прежде всего и главным образом тем, что в них воспета божья правда жизни, и воспета гениально. Разумеется, никому не придет в голову ставить знак равенства между реализмом этих классиков и новейшим реализмом. Ясно, что реалистические и романтические традиции наших далеких и близких предшественников надо рассматривать как исторически сложившиеся традиции, которые нельзя механически переносить в наше время.

Лирика не должна быть подобна перелетной птице, которая спела свою звонкую песенку и тут же улетела... Лирическое стихотворение, песня должны западать в душу человека и жить гнездо в его сердце и, как жар-птица, согреть его, быть спутницей человека в труде, в борьбе, в радости, в печали, пробуждать в человеке добрые чувства, возвышая тем самым человека, делая его более сильным, умным и богатым духовно.

Товарищи! В нашей печати за последнее время разгорелись большие споры вокруг проблемы «самовыражения» поэта. Я лично думаю, что это скорее споры о терминологии, чем о существе дела. Однако следует сказать, что я, например, против теории «самовыражения» в том ее возможном случае, когда она перекладывается с философской субъективной идеализации. Боясь, что некоторые сторонники «самовыражения» в поэзии могут прийти к полному отрицанию объективной действительности огромного мира объективной действительности миром поэта, который является лишь частью этого огромного и сложного объективного мира. Мы за то, чтобы поэт пропускал явления, события, образы, характеры объективной жизни через свое поэтическое «я». Без этого не было бы никакой поэзии, никакого искусства. Но это не значит, что личность поэта, его характер, склад души, его биография, даже в тех случаях, когда они богаты, могут полностью заменить характер, образ, склад души и биографии миллионов людей — творцов истории.

Ольга Берггольд автор таких прекрасных и смело написанных произведений, как «Перворосийск» и «Верность», неправильно утверждала, что декадентам и символистам нечего было выражать, что их стихи лишены всякой идеи и мысли. Это, конечно, неверно. Если бы это было так, то они не представляли бы никакой опасности. Нет, они выражали пессимизм, жалкие мещанские чувства, неверие в народ и человека, обреченное одиночество, безысходность и безнадзорность. Всем этим они старались увести нового человека — героя революционных битв в сторону от активной борьбы за уничтожение капитализма, за утверждение социализма. Все это не значит, что мы, утверждая объективный мир, отрицаем или недооцениваем субъективный мир больших или малых поэтов. Но каким должен быть этот личный мир поэта с точки зрения правдивого и масштабного отображения объективного мира? По этому поводу я хочу сослаться на слова Белинского:

«Ни один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

«И один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественной и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества. Только маленькие поэты и счастливы и несчастны от себя и через себя: но зато только они сами и слушают свои пичьи песни, которых не хочет знать ни общество, ни человечество».

Некоторые товарищи утверждают, что наша действительность настолько прекрасна и наши люди настолько хороши, что не нуждаются в поэтической идеализации. Это неверно. Наша действительность прекрасна и наши люди в самом деле хороши — это бесспорно, но человек социалистического общества в особенности, велик тем, что его идеалы и стремления вперед, его светлые мечты и фантазии всегда опережают его реальное существование.

Вот почему мы не должны бояться подчеркивать положительные стороны в характере людей, в их стремлениях и воздействовать таким способом на нашу действительность в ее революционном развитии, показывать ее движение к высотам человеческой мысли, культуры.

В-третьих, поэт-романтик активно вторгается в мысли и душу, в духовный мир своего положительного или идеального героя. Он воспекает в нем свои собственные идеалы, свои взгляды на жизнь, на историю, на будущее.

Мы не представляем себе ни одного положительного героя в мировой поэзии, который не выражал бы в той или иной степени лучшие идеалы и взгляды творца этого героя, самого поэта, но эти свойства особенно характерны для творчества поэтов-романтиков.

Мы должны всячески поощрять и поддерживать прекрасные романтические начала в нашей поэзии во имя большого реализма, оваянного высокими идеями, светлыми и крылатыми мечтами.

А. М. Горький сказал: «Наше искусство должно встать выше действительности и возвысить человека над ней, не отрывая его от нее. Это — проповедь романтизма? Да, если социальный героизм, если культурно-революционный энтузиазм творчества новых условий жизни в тех формах, как это энтузиазм проявляется у нас, — может быть наименован романтизмом».

Вот именно за такой романтизм в нашей поэзии мы должны бороться. Сказанное мною не обязательно для всех поэтов, но обязательно для тех из них, в творческой природе которых заложено романтическое начало, — это драгоценное начало надо всячески развивать.

Отметим, что далеко не всегда творческие дарования в области романтики сопровождаются удачами, бывают и неудачи. Сопоставляя на две романтические поэмы одного и того же поэта — Семена Гирсанова («Александр Матросов») и «Небо над Родиной»). В первой поэме автор удался в приподнятой романтической форме создать волнующий образ Матросова. С гордостью, с сознанием глубокого смысла своего подвига, герой говорит:

И — недоволен я такой судьбой, что свел всю жизнь в один мигутный бой? Нет! Я хотел прикрыть народ собой — и вот могу прикрыть народ собой...

К сожалению, в этой же поэме строфы, полные пафоса и выразительности, перемежаются с неудачными кусками, написанными почему-то в форме рашника. Это приводит к странному развоию образа.

В поэме «Небо над Родиной» герой среди облаков и туч, в мире планет. Здесь за героя натиически рассуждают облака и планеты, тучи и дожди, и даже моторы самолетов. И все же автору не удалось по-настоящему возвыситься своего героя, ибо человек может возвыситься только в самом человеке, и никакой птичий язык, даже орлиный, не может заменить живой человеческой речи, выразить ее силу и красоту.

«Индийская баллада» М. Турсун-заде — одно из значительных произведений нашей поэзии. Поэт в сильных романтических красках, с большим волеизлиянием и чувством описывает положение народа Индии, клеймит злодеяния колонизаторов.

И в то же время в поэме упущено, по-моему, важное активное начало в сознании и жизни индийского народа. Изображая царство тьмы, созданное колонизаторами в

Некоторые вопросы формы и мастерства

На нынешнем этапе развития нашей поэзии проблема высокого поэтического мастерства является центральной проблемой. Всегда ли мы следуем завету Некрасова, — «заботимся о «стиле, отвечающем тем?». Вот, например, стихи Сергея Михалкова по случаю испытания советской водородной бомбы, напечатанные недавно в «Литературной газете»:

Оборона — наша честь, Дело всенародное. Бомбы атомные есть, Есть и водородные!

Или другое слабое стихотворение, посвященное дуску первой в мире электростанции, работающей на атомной энергии!

Во всех этих произведениях звучат разные голоса, раскрываются самобытные индивидуальности поэтов. Однако есть и общие черты, которые отягощают романтические произведения от произведений других стилей.

Во-первых, поэт, положив в основу своего произведения реальные явления, реальные человеческие характеры и образы, воспекает их в возвышенных тонах, в наиболее ярких красках. Отсутствие в ряде романтических произведений широкого охвата жизненного пути героев не мешает поэтам создавать человеческие характеры, показывать большие страсти.

Во-вторых, поэт-романтик сознательно заостряет положительные начала жизни, чаще обращается к «необычному», а иногда и к исключительным характеристикам, ситуациям, фактам: он стремится скорее увидеть, запечатлеть будущее, проврваться в завтра. Вспомним гениальный финал поэмы Маяковского «Про это», его потрясающий по силе искренности, лирического наката разговор с потомками, с жителями будущего, то есть и с нами:

Чтоб лень, который горем старяи, не христарядничать, моля, Чтоб вся на первый крик: товарищи! — оброчивалась земля.

Здесь явно звучит не столько следование Маяковскому, сколько подражание ему.

Внешнее подражание Маяковскому пришло поэта Расаула Раа к тому, что ряд его произведений лишен оригинальности, самостоятельного художественного звучания. Такое же внешнее подражание Маяковскому

Индии, поэт должен был показать и борьбу индийского народа за свою независимость, показать восходящее солнце его победы над силами мрака, силами империализма.

Во всем сказанном мною о романтической поэзии хочу добавить еще несколько слов об идеальном герое, вокруг которого за последнее время разгорелся горячий спор. Нужен ли идеальный герой или нет?

По-моему, и я говорю об этом уверенно, идеальный герой нам нужен. Безусловно, не все положительные герои могут и должны быть идеальными, ибо идеальный герой, на мой взгляд, есть синтетический образ положительного героя, воплотивший в себе самые высокие духовные человеческие качества.

Не думайте, что я здесь имею в виду только людей избранных или великие личины. Поскольку главным положительным героем литературы социалистического реализма является трудовой народ — миллионы простых людей, то естественно, что и в образе идеального героя мы должны изображать большую и светлую жизнь, нашего рядового человека, олицетворяющего собой трудовой народ! Это умели делать наши близкие и далекие предшественники. Это умел делать и Николай Островский. Я не разделяю мнение тех товарищей, которые не считают образ Павла Корчагина идеальным по той причине, что у него был момент, когда он хотел покончить жизнь самоубийством. Эти товарищи забывают о том, что он в конечном счете победил смерть во имя жизни, стал гордостью и славою нашего поколения.

Противники идеального героя в литературе, прежде чем вести наступление, предусмотрительно разужают его, чтобы уже потом легко победить его безоружного. Они утверждают, что герой идеальный — это не тот реальный и привычный нам человек, который ест, пьет, живет, борется, страдает, радуется, у которого в жизни бывают взлеты и падения, который проходит через процесс становления, продолжения и др. Конечно, если так вульгарно трактовать образ идеального героя, вернее, так презрительно выхолащивать его образ, лишая его всего реального, присутствующего любому живому человеку, то идеальный герой и в самом деле будет выглядеть «священной иконой», какой-то бездушной схемой, каким-то призраком, ненужным и невозможным в жизни. Так, например, поступает в отношении идеального героя К. Симонов, который сравнивает образ идеального героя с кондитерским изделием. Конечно, подобное остроумие иной раз и может вызвать у некоторых литераторов сочувственный смех, но я опасюсь, как бы впоследствии этот смех не обернулся для нас плачем поэтического раскаяния.

Идеальный герой — это как раз такой герой, который воплощает в себе именно самые высокие реальные, земные и жизненные качества.

Идеальный герой может быть даже самым противоречивым и самым сложным из всех противоречивых и сложных людей. У него могут быть также и свои слабости, но он силен тем, что в его лице мы видим Человека с большой буквы; сила идеального героя есть сила целого поколения или народа.

Каких бы я ни был сторонником идеального героя, все же не хочу делать его главной проблемой нашей поэзии. Литература может существовать и без идеального героя, но она не мыслится без идеала. Вот почему центральным вопросом нашей поэтической мысли сегодня, как и всегда, является воспевание светлых идеалов нашего народа и всего прогрессивного человечества. Отсюда вывод: нельзя отождествлять вопрос об идеале в литературе с вопросом об идеальном герое.

Если я в вопросе о романтизме проявил некоторую тенденциозность, надеюсь, что слушатели мои даже и в этом случае подделают меня, ибо если мы хотим по-настоящему защищать все прекрасное начала в нашей жизни и литературе, то мы должны проявлять в этом самую страстную тенденциозность.

Товарищи, перед нашей поэзией, как перед всей советской литературой, стоят грандиозные творческие проблемы. Мы призваны историей быть выразителями передовых дум и чаяний прогрессивного человечества. Героическая, полная романтики борьба прогрессивного человечества за мир, демократию и социализм должна вдохновить наших поэтов на создание типов и образов героев нашего времени.

В центре всей нашей поэтической мысли должен стоять величественный образ нового, социалистического человека, творца новой истории, во всем богатстве его многогранной трудовой и творческой деятельности, со всеми его высокими идеалами и моральными качествами.

Нам нужен, как никогда, мощный взлет поэтической мысли, широкий охват нашей прекрасной действительности и нашего величественного завтра. Благополучная философия «золотой середины» вообще неприемлема, и особенно — в области художественного творчества.

Мы должны обратиться к монументальной поэзии социализма, а это требует от нас решительного и смелого перехода к многообъемлющим формам. Без таких форм немислимо полнокровное художественное отображение жизни, немислимо раскрытие большого содержания в поэзии, создание цельных, разных и ярких человеческих характеров, немислимо страстное воспевание наших всемирно-исторических завоеваний, немислимо широкий охват времени.

Мне кажется, что сегодняшнее состояние нашей поэзии напоминает состояние ола перед взлетом: он мерцает глазами широко пространством для этого взлета и этот взлет свершится. Есть для этого у нас могучий орел — это наша великая поэзия. Есть перед нами и большой простор — это простор нашей жизни, нашей социалистической действительности; есть и высота для большого взлета — это высота наших коммунистических идеалов!

Да здравствует коммунизм! Да здравствует поэзия! (Продолжительные аплодисменты).

Главный редактор Б. ЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Адрес редакции и издательства: Москва И — 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-84-28, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Международная типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.

Бюджетный номер 49479.